

УДК 008:39

Феномен культурной идентичности россиян юго-восточной Балтии

Шахов Вячеслав Александрович

Кандидат культурологии, доцент,

Калининградский государственный технический университет,
236022, Российская Федерация, Калининград, Советский просп., 1;

e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Аннотация

Актуальность настоящей работы обусловлена феноменальной спецификой формирования национально-культурной идентичности в Калининградской области, не имеющих аналогов в других регионах России. Культурное пространство эксклава складывалось под влиянием сложных исторических, геополитических, социально-экономических и демографических факторов. Население края не автохтонно, многообразно по этническому составу и социальному статусу, не имеет исторических корней, в значительной части лишено живой культурной традиции. Эксклав находится под культурным и ментальным воздействием Запада. В этих условиях исследование культуры чрезвычайно сложно. Еще сложнее создавать практические рекомендации по становлению национально-культурной идентичности у подрастающего поколения в условиях низкого уровня теоретико-методологического осмысления национально-культурной идентичности в системе педагогических знаний. Отсюда очевидно, что формирование национально-культурной идентичности населения Калининградской области имеет стратегическое направление в реализации государственной политики. Явление бинарной идентичности мультикультурного социума Калининградского эксклава целесообразно рассматривать в контексте национальных культурных проявлений с уникальными духовными традициями социума в их взаимодействии с другими культурами, заимствовании их лучших образцов. Этнокультурные технологии позволяют, не вмешиваясь во внутренние дела соседних государств, обеспечить сохранение и воспроизводство у этнических русских национальной ментальности. Чтобы избежать деструктивных сценариев, формируемая русская национальная идея, рамки которой неизбежно выходят за государственные границы, должна проявляться как созидательная сила, сохраняющая культурную преемственность с тысячелетней великой русской культурой, русской духовностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Шахов В.А. Феномен культурной идентичности россиян юго-восточной Балтии // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 150-160.

Ключевые слова

Этнокультура, этнические процессы, социокультурная среда, национальная идентичность, диаспора, рособалты, мультикультурализм.

Введение

Проблема сохранения национальной идентичности постсоветской русской диаспоры юго-восточной Балтии является одной из важнейших для современной российской государственности, независимо от места их пребывания. Оказавшись в конце XX века рассеянными, представители русской диаспоры сохраняют статус великой нации, но только при условии культурного единства с метрополией. Опыт диаспор Британской и Французской Империй, оставшихся в бывших колониях в качестве национального меньшинства, показывает, что они составляют полезную часть гражданского общества стран пребывания, лишь сохранив свою национальную культуру и приобретя терпимость по отношению к титульным нациям [Петружис, 2008, 7].

Особо важно и наиболее реально для сохранения исторической общности народа поддерживать этнокультурное единство диаспоры с великороссами в странах Балтии, хотя именно там идеология и трагические ошибки, вольные или невольные, сильных мира сего болезненно повлияли на судьбу региона и многих поколений населяющих его людей. Россия заинтересована поддерживать свои гуманитарные ценности и этническую культуру в Балтии и политическое решение, закрепляющее такой статус, имело бы мощное стабилизирующее значение для всей Европы [Петружис, 2003, 12].

**Особенности и проблемы сохранения русского образа жизни
на территории юго-восточной Балтии**

Возвращаясь к уже вековому опыту сохранения русской ментальности у диаспоры первой волны, напомним, что огромное значение играло семейное воспитание и внутриобщинные контакты. В решении проблемы сохранения русского языка, порой единственной, которую могут поставить малоимущие русские жители Балтии, наиболее эффективна программа детского этнокультурного воспитания. Та, например, что предложена Н. Гульневой-Луговской для жителей Калининградской области, близких к диаспоре по степени отчуждения от русской культуры [Гульнева-Луговская, 2002]. Но это решает лишь технические задачи эдукологии, но не проблему сохранения духовности в инокультурном окружении.

Более перспективны методы сохранения русского образа жизни, в настоящее время доступные лишь представителями среднего и высшего класса эмигрантов. Это различные формы внутриобщинных контактов в виде досугового общения. Наиболее массовыми и демократическими были и остаются самодеятельные театральные и певческие общества. Отметим, что они держались на группах музыкально-образованных (и обеспеченных) энтузиастов. Не менее массовыми, но не требующими полупрофессиональной увлеченности, являются различные салонные формы общения – от домашних концертов до раутов [Бойков, 2000, 5].

Исторический опыт становления национально-культурных общностей

Проблемы становления национально-культурных общностей всегда были центральными для философов, исследователей культуры и быта. Еще в Риме на основе их анализа власти строили *«искусство управления народами»*, постулируя, что для эффективности управления народами их надо хорошо знать. Информация о происхождении, ассимиляции, исчезновении и возрождении этносов справедливо полагалась особо ценной для административной деятельности, а ее осмысление инициировало возникновение наук об общественно-исторических процессах. Культура, прежде всего, отражает социально-экономические, духовно-нравственные традиции общества. Она является важнейшей составляющей среды обитания людей и формой созидания духовных и материальных ценностей, простирающейся в бесконечность прошлого, настоящего и будущего. Однако конкретные формы ее функционирования и составляющие ее компоненты (духовность, нравственность, эстетическое отношение к действительности), как правило, отражают определенную ступень цивилизации, детерминируются уровнем развития общества, его ценностными ориентациями и идеалами. Национально-самобытный характер форм проявления культуры аккумулирует в себе духовный опыт народа, его уникальность и неповторимость, развивается в контексте с другими культурами, перенимая, заимствуя у них лучшее. Необходимость направленного развития управления сферы культуры в Калининградском регионе не вопрос симпатий и антипатий к поэзии Серебряного века и дискуссии о предпочтительности тех или иных театральных течений или ансамблей народных танцев. Это вопрос сохранения национальной идентичности россиян в субкультурном локусе – здесь культура давно приобрела геополитическое наклонение. Без конвергенции, взаимодействия культурных систем – сближения различных политических, экономических, социальных, философских – немисливо развитие цивилизации в целом, ее прогресс. Культурный обмен как важнейшее проявление конвергенции является показателем открытости общества, степени реализации потенциала идеологических конструкций, экономических теорий, государственно-общественных структур.

Очевидный вектор развития европейской социальной политики – это обеспечение широких возможностей для развития личности, достижения в процессе формирования новых типов политической общности, а также системы международных отношений. Причины этого уходят своими корнями в глубинные социокультурные основания. В результате приверженность ряду фундаментальных ценностей удивительным образом соединилась со способностью к постоянному внутреннему обновлению. Его предопределила также способность заимствовать элементы культуры других народов, даже если приобщение к новым ценностям, таким, например, как христианство, было чревато деструкцией основ прежних социальных порядков.

Нельзя забывать важнейшее положение эволюционистских теорий культуры, которых, в частности, придерживался П.А. Кропоткин. Он рассматривал с этических позиций, как наиболее общих, культурологические процессы частью этносоциальных. Не настаивая на абсолютной истинности взглядов идеолога анархизма, отметим, что этот «этический императив» подтверждается всей историей Восточной Пруссии, со времен мученичества св. Адальберта до наших дней. Поэтому, если изучение природы дало нам основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на Земле, законы психической жизни и развитие обществ, то это же знание должно дать объяснение естественных источников нравственного чувства [Кропоткин, 1991].

Со времен Адама Смита в социальных науках господствует вульгарный исторический детерминизм, восходящего к миру св. Фомы Аквинского, по которому все проблемы духа, общества, вырастают единообразно из эволюции общемировой экономики. Эксперимент социального общества, построенного на примате марксистской идеологии, показал, что от этого постулата надо отказаться. Не отклоняясь в политэкономический анализ, можно лишь констатировать, что опыт распада СССР показал, что именно культура, в конечном счете, является определяющим фактором в региональных интеграционных процессах или, напротив, в процессах дифференциации и даже деградации видимо стабильных образований [Боас, 1997, 519].

Американский этнограф, теоретик истории культуры А. Кребер считал, что главным предметом изучения этнологов должна быть культура человеческих групп, так как культура состоит из эксплицитных и имплицитных моделей поведения, которые получают символическую форму и отражают особенности различных человеческих групп, в частности, воплощаясь в артефактах. Существенная особенность культуры состоит в наличии в ней традиционных, т. е. исторически выработанных и отобранных идей, и в первую очередь идей-ценностей, выработанных данным народом [Лурье, 1998, 34-41]. Он сформулировал понятие *культурного ареала*, который имеет *культурный центр* (область наибольшей концентрации культурных черт) и *культурные границы* (места пересечения данной культуры с другими). Развитие любой культуры складывается из внутренних инноваций и внешних заимствований. Народы, накопившие наибольшее число удачных инноваций и заимствова-

ний, оказываются сильнее конкурентов и лучше сохраняют свою культуру. Устойчивость этнической общности видится в этносе культуры, подразумевая под этим систему идеалов и ценностей, доминирующих в культуре этноса и позволяющих контролировать поведение ее носителей.

Структура социокультурного взаимодействия разделяется на три компонента: личность как субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействия социокультурных процессов и отношений индивидов. Ни один из членов этой триады не может существовать без двух других. Идентичность – отождествление представлений человека о себе с определенными культурными моделями и социальными отношениями – соединяет звенья этой триады [Сорокин, 1992].

Определенную лепту в исследования «образа мира» внесла когнитивная антропология, рассматривающая культуру как способ познания и ментальностного структурирования окружающей среды, а также как систему символов, структурирующих человеческую деятельность. Этнологи-когнитивисты видели в культуре средство, с помощью которого члены общества вырабатывают соответствующее социальное поведение и интерпретируют поведение других. Однако, концентрация внимания на значениях различных предметов и явлений в разных культурах, увлечение знаковыми системами, оставило вне поля зрения психологическую сторону культурных процессов. Концепции *этноса культуры, основной личностной структуры, модальной личностной структуры*, хотя и внесли значительный вклад в развитие науки и не могут быть отброшены как несостоятельные, оказались недостаточными для объяснения причины и сущности межэтнических и межкультурных различий, равно как и механизма функционирования и модификации этнических культур. Как видим, с этих позиций этнология и культурология имеют значительное пространство перекрытия предмета и методологии исследований.

Между понятиями культура и личность существует значительное сходство. Культура обозначает социально-стандартизированные модели активности, мышления, чувствования некоторой прочной социальной группы. Этничность может возрастать или ослабевать в зависимости от внешних условий. Взаимодействие с «чужими» другими этническими группами ограничивается лишь определенными областями, где есть общие интересы или взаимопонимание. Зачастую именно внешние этнические условия определяют поведение группы. Усиление этничности в первую очередь является ответом на подавление ее извне. Принадлежность к группе определяется не столь биологическими параметрами, как наличием некоторого минимума этнических знаний в различных областях, способностью адекватно по нормам группы вести себя в значимых ситуациях. Таким образом, этнос обладает неким культурным стержнем, не осознаваемым ни внешними, ни внутренними наблюдателями, в каждом случае уникальным, который определяет согласованность действий членов этноса и обнаруживает себя вовне через различные модификации культурной традиции в рамках некоего общего содержания.

Советская культурология постулировала, что национальная культура в эпоху развитого социализма якобы перестала определять сущность нации – национальное становилось феноменом несущественным, если не вредным. В результате в советские годы на практическом уровне проблемы этнокультуры почти не изучались. В постсоветском обществе культурная ситуация первоначально была переориентирована на прозападные аксиологические установки, что поставило, в частности, регион юго-восточной Балтии перед проблемой выбора между интеграцией в западноевропейскую культуру на минимализированном уровне или сознательным усвоением традиционных ценностей российской культуры. С переходом к гражданскому обществу значение культуры, как правило, усиливается. Гражданское общество, хотя это формально и отрицается международным правом, состоит из этнокультурных элементов. «Прикрытие» социальной культурой общегосударственных ценностей и институций упрощает функционирование государственных и социальных механизмов. Это важнейший тест социального здоровья общества [Захаров, 2002, 116-126].

Особенности формирования русских как нации

Важнейшим фактором формирования русских как нации послужила безграничность богатства русской культуры, аккумулировавшей достижения как инкорпорированных народов, так и сопредельных стран в соответствии с тезисом средневекового философа: «Все народы, все века, все стволы культуры должны внести свою лепту: *ex toto mundo totus mundus* [лат. из всего мира избирается весь мир]. Ибо культура есть сокровищница, где распределяются вещи древние и новые, и где идет очистительная переплавка золота новых данников». Причем он полагал, что такая традиция никогда не должна прерываться: «Не надо питать иллюзий тех, кто видит задачу сегодня уже завершенной, ведь чудо, совершившееся в прошлом, должно длиться и впредь, и оно длится впредь, и она верует в новые открытия, новые промыслительные гармонии» [Любак, 1992].

Русская национальная идея не должна возрождаться из отрицания ближайшего прошлого под предлогом, что все идеи и достижения того времени полностью обесценены существовавшей тогда тоталитарной системой, сознанием и идеологией, а также минимизацией гражданского сознания при искусственном ограничении общей культуры населения. Императив мышления российской нации – запрос на образовательный, интеллектуальный потенциал, развитие фундаментальной науки и культуры, откуда следует примат духовного начала над материальным. Русское государство, что бы ни распасться, должно иметь мощную идеологическую доминанту, которая оправдывала бы постоянное перенапряжение сил народа. Идеократия, устремленность к «дальним целям» составляет сущность государственной системы на любом этапе русской истории, что порождает определенный характер российского хозяйствования и государственных забот. Культура является способом кристаллизации этнических констант и выявления национальных ценностей. Именно комплекс культур-

ных представлений определяет традиционное сознание этноса, передаваемого из поколения в поколение в процессе социализации членов этноса, распространяя его на общественные институты и межличностные и межгрупповые отношения.

Очевидно, что ныне при нарастании неблагоприятных тенденций в российском обществе возможно исчезновение духовной личности из социокультурного пространства, что сужает и девальвирует образ России. Российское общество крайне болезненно переживает последствия, с одной стороны, резкой, нигилистической ломки сложившихся за время советской эпохи установок и традиций, а с другой – насильственной и масштабной вестернизации всех сфер бытия. Разрушаются филогенетические духовные качества нации: трудолюбие, одаренность и гуманизм. Остается уповать на то, что русская нация на протяжении всей истории создавала и сохраняла ценный опыт духовности на любой территории своего проживания – от городов Кавказа и рудников Урала до факторий в тундре и кварталов около православных церквей в Варшаве и Вильнюсе.

Можно ли ожидать становление на развалинах Империи единого социокультурного пространства и «глобальной культуры» как имманентной характеристики нынешнего миропорядка, или последний складывается из множества национальных, наднациональных, этнических, религиозных, социально-групповых и индивидуальных идентичностей, взаимодействие которых порождает качественно новый социальный опыт? [Малыгина, 2003, 104-114]. Теоретизирование этой темы малопродуктивно, а попытки форсировать естественный ход процесса чреваты этническими конфликтами. Образовательно-интеллектуальный императив с преобладанием духовного начала над материальным мышления российской нации порождает определенный характер российского хозяйствования и государственных забот. Регионализация культуры – тенденция, характеризующаяся далеко идущими социальными последствиями. Глобальные этнокультурные системы становятся все более важным инструментом для сближения людей, урегулирования местных проблем и поддержки экономики. Регион Российского «острова» юго-восточной Балтии является не только аванпостом русской цивилизации на Западе, но с XIII века служит связующим звеном российской и западноевропейской культуры. Культурные факторы важны не менее географических, ресурсных, политико-институционных, что особо четко проявляется в российском эксклаве. Ценностное ядро русской ментальности и культуры в области подвергается опасности девиации по механизму минимализации как исходной – русской – культуры, так и в части заимствованных фрагментов [Сергеева, 2002, 104-114; Смородинская, 2001, 36]. И это опасность не только для сохранения русской культуры, но и для сохранения российской государственности в регионе.

Культура должна ориентировать людей на формирование отношений взаимопонимания и согласия. Прежде всего, это относится к этнокультурным технологиям, которые позволяют наиболее эффективно и наименее конфликтно достичь успеха в создании межнациональной толерантности, к тому же они являются наиболее дешевыми методами

социокультурного планирования общества. Разумеется, сохранение структурных противоречий между балтским и славянским населением в юго-восточной Балтии крайне нежелательно. Образование в центре Европы XXI века маргинального региона с конфликтным административно-государственным статусом ни этнокультурно, ни политически неприемлемо, причем не только для России и стран Балтии, но и для всей новой единой Европы. Именно это и предполагает желательность и реальность возврата именно к русской этнокультурной ориентации рособалтов социокультурными технологиями, которые позволят добиться установления в юго-восточной Балтии режима максимальной межнациональной толерантности.

При выборе модели развития региона, надо отказаться от постулата исторического детерминизма, по которому все проблемы духа, общества, вырастают единообразно из эволюции общемировой экономики. Не только участие в экономических блоках, но культура, в конечном счете, является определяющим фактором в региональных интеграционных процессах. Собственно говоря, близкую систему взглядов определил еще в начале прошлого века философ культуры П.М. Бицилли, провозгласив, что у культуры есть свой прогресс, особого рода – без закономерности, без прямолинейности, без необходимости сознательного осуществления сознательно поставленных целей, состоящей в накоплении результатов духовного опыта, в обогащении запаса духовных стимулов и творческих возможностей. Культура по своей природе трагична. И поэтому ей не свойственно протекать безмятежно, идеалистически, без препон и опасностей: тогда ей грозит самая страшная и неодолимая опасность – быть незаметно, исподволь засосанной цивилизацией [Бицилли, 1996].

Заключение

Важно отметить, что взаимодействие и взаимопроникновение культур, приводящее к государственному единству, осуществляется через культурные контакты. Культурная традиция включает как этнокультуру и ритуал, так и культуру цивилизационную. Рособалты как специфический подэтнос обладает высокой степенью денационализации. Впрочем, сентенцию о денационализации можно отнести ко всем россиянам, где бы они ни жили, ибо по состоянию на 1989 год около трети из них предпочитали самоопределяться в категории советский человек, т. е. членами политического сообщества, а не этнической общности.

В связи с этим приобретает особую актуальность проблема создания адекватной рефлексивной модели управления культурными процессами в эксклаве и изучение культурологических аспектов социального и индивидуального бытия. Особо оправданно обращение к возможностям генетического и компаративного анализа, ибо необходимо разработать пути возможных преобразований в управлении культурными процессами в этом специфическом регионе с учетом перспективных социальных целей и имеющихся ресурсов.

Библиография

1. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 710 с.
2. Боас Ф. Методы этнологии // Левит С.Я. (ред.) Антология исследования культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 509-518.
3. Бойков В.Э. Просветительские объединения диаспоры как элемент гражданского общества // Проблемы межрегиональных связей. 2000. № 2. С. 5.
4. Гульнева-Луговская Н.И. Воспитание подрастающего поколения на народных традициях, обычаях, обрядах // Российская культура глазами молодых ученых. Вып. 12: Академия общественных связей. СПб.: Культ-Инфор_пресс, 2002. С. 62-68.
5. Захаров А. А. Федерализм и глобализация // Полис. 2002. № 6(71). С. 116-126.
6. Кропоткин П.А. Этика. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
7. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998. 448 с.
8. Любак А. Католичество. Социальные аспекты доктрины. Милан: Христианская Россия, 1992. 397 с.
9. Малыгина И.В. Национальная идентичность и национализм // Вестник МГУКИ. 2003. № 2. С. 104-114.
10. Петружис Г. Проблемы интеграции русской диаспоры в регионе Южной Балтии. Klaipeda: S. Jokuzioleidykla-spaustuve, 2008. С. 7.
11. Петружис Г. Проблема статуса Калининградской области в объединенной Европе // Калининградская область в новой Европе. Социокультурный опыт – вчера, сегодня, завтра. Пунск; Клайпеда, 2003. С. 12.
12. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 104-114.
13. Смородинская Н.В. Калининградский эксклав: перспектива трансформации в «пилотный регион». М.: Ин-т экономики РАН, 2001. 93 с.
14. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295-424.

The phenomenon of cultural identity of the Russians of the Southeastern Baltic

Vyacheslav A. Shakhov

PhD in Culturology, Associate Professor,

Vyacheslav A. Shakhov

Kaliningrad State Technical University,
236022, 1 Sovetskii av., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Abstract

The topicality of the work is substantiated by the phenomenal specificity of the formation of national and cultural identity in the Kaliningrad region, which has no analogues in other regions of Russia. The cultural space of the exclave was influenced by complex historical, geopolitical, socio-economic and demographic factors. The population of the region is not indigenous, diverse in ethnic composition and social status, has no historical roots, and, in large part, is devoid of a living cultural tradition. The enclave is under the cultural and mental impact of the West. In these circumstances, the study of culture is extremely difficult. It's even harder to create practical recommendations on the formation of national and cultural identity among the younger generation in the conditions of low-level theoretical and methodological understanding of national and cultural identity in the system of pedagogical knowledge. Hence it is obvious that the formation of national and cultural identity of the population of the Kaliningrad region is of strategic direction in the implementation of public policy. The phenomenon of the binary identity of a multicultural society in the Kaliningrad exclave is advisable to consider in the context of national cultural manifestations with unique spiritual traditions of the society in their interaction with other cultures, borrowing their best examples. Ethno-cultural technologies allow, not interfering in the internal affairs of neighboring states, to ensure the preservation and reproduction of ethnic Russian national mentality. To avoid destructive scenarios, the forming Russian national idea must manifest itself as a creative force that retains cultural continuity with thousands of years of great Russian culture.

For citation

Shakhov V.A. (2016) Fenomen kul'turnoi identichnosti rossiyan yugo-vostochnoi Baltii [The phenomenon of cultural identity of the Russians of the Southeastern Baltic]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 150-160.

Keywords

Ethnic culture, ethnic processes, social and cultural environment, national identity, Diaspora, Russian Balts, multiculturalism.

References

1. Bitsilli P.M. (1996) *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works in Philology]. Moscow: Nasledie Publ.

2. Boas F. (1997) Metody etnologii [Methods of Ethnology]. In: Levit S.Ya. (ed.) *Antologiya issledovaniya kul'tury. T. 1: Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of culture research. Vol. 1: The interpretation of culture]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 509-518.
3. Boikov V.E. (2000) Prosvetitel'skie ob'edineniya diaspory kak element grazhdanskogo obshchestva [Educative unions of Diaspora as an element of civil society]. *Problemy mezhregional'nykh svyazei* [Problems of connections between regions], 2, pp. 5.
4. Gul'neva-Lugovskaya N.I. (2002) Vospitanie podrastayushchego pokoleniya na narodnykh traditsiyakh, obychayakh, obryadakh [The education of the younger generation based on folk traditions, customs, rituals]. *Rossiiskaya kul'tura glazami molodykh uchenykh. Vyp. 12: Akademiya obshchestvennykh svyazei* [Russian culture through the eyes of young scientists. Vol. 12: Academy of public relations]. St. Petersburg: Kul't-Infor-press Publ., pp. 62-68.
5. Kropotkin P.A. (1991) *Etika* [Ethics]. Moscow: Politizdat Publ.
6. Lur'e S.V. (1998) *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow: Aspekt Press Publ.
7. Lyubak A. (1992) *Katolichestvo. Sotsial'nye aspekty doktriny* [Catholicism. Social aspects of the doctrine]. Milan: Khristianskaya Rossiya Publ.
8. Malygina I.V. (2003) Natsional'naya identichnost' i natsionalizm [National identity and nationalism]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2, pp. 104-114.
9. Petruzhis G. (2003) Problema statusa Kaliningradskoi oblasti v ob'edinennoi Evrope [The problem of the status of the Kaliningrad region in the united Europe]. *Kaliningradskaya oblast' v novoi Evrope. Sotsiokul'turnyi opyt – vchera, segodnya, zavtra* [The Kaliningrad region in the new Europe. Socio-cultural experience – yesterday, today, tomorrow]. PunsK-Klaipeda, p. 12.
10. Petruzhis G. (2008) *Problemy integratsii russkoi diaspory v regione Yuzhnoi Baltii* [Integration problems of the Russian Diaspora in the region of the Southern Baltic]. Klaipeda: S. Jokuzioleidykla-spaustuve Publ., p. 7.
11. Sergeeva O.A. (2002) Rol' etnokul'turnoi i sotsiokul'turnoi marginal'nosti v transformatsii tsivilizatsionnykh system [The role of ethnocultural and sociocultural marginality in the transformation of civilization systems]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 5, pp. 104-114.
12. Smorodinskaya N.V. (2001) *Kaliningradskii eksklav: perspektiva transformatsii v "pilotnyi region"* [Kaliningrad exclave: prospects of transformation into "a pilot region"]. Moscow: Institute of Economics RAS.
13. Sorokin P.A. (1992) Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' [Social and cultural mobility]. In: Sorokin P.A. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 295-424.
14. Zakharov A. A. (2002) Federalizm i globalizatsiya [Federalism and globalization]. *Polis* [Polis. Political Studies], 6 (71), pp. 116-126.